

4
А-19

На правах рукописи

М. Л. РЕМНЕВА

СООТНОШЕНИЕ СИСТЕМЫ И НОРМЫ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ
ФОРМ ВИДА И ВРЕМЕНИ В РУССКОМ (ВЕЛИКОРУССКОМ)
ЯЗЫКЕ XV ВЕКА (ПО ПАМЯТНИКАМ ПИСЬМЕННОСТИ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XV ВЕКА)

№ 660 — Русский язык

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель — доктор филологических наук,
профессор К. В. Горшкова

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА • 1968

4
A 19

Работа выполнена на филологическом факультете Московского государственного университета.

Официальные оппоненты: А. Г. Широкова, доцент, доктор филологических наук; О. А. Князевская, кандидат филологических наук.

Ведущее научно-исследовательское учреждение, высшее учебное заведение (рецензент):
Государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. Автореферат разослан

Защита диссертации состоится на заседании Ученого совета филологического факультета МГУ им. Ломоносова.

Адрес: проспект Маркса, 18, ауд. 30.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке факультета.

Ученый секретарь совета

Задача работы — характеристика видо-временной системы глагола в письменном языке Северо-Восточной Руси XV века в ее отношении к грамматической норме употребления видо-временных глагольных форм на основании анализа языкового материала памятников разных жанров и изучения грамматик церковнославянского языка, являющихся источником сведений о нормативном языке Московской Руси. В связи с этим ставится вопрос о реконструкции видо-временной системы народно-разговорного языка Северо-Восточной Руси XV века.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

* *
*

При всем внимании исследователей к происхождению и развитию категорий вида и времени в славянских языках общая теория вида строилась прежде всего на материале современных славянских языков.

Борьба мнений выявила две противоположные точки зрения. Одни ученые исходят из того, что глаголы разных видов — это разные слова и процесс видообразования — процесс не формообразования, а словообразования: в качестве основного средства видообразования выделяется префиксация (наряду с суффиксацией). Суффиксации отводится второстепенная роль в процессе видообразования, она занимает подчиненное положение по отношению к основному противопоставлению совершенного и несовершенного вида, оформленного с помощью приставки¹.

Сторонники другой точки зрения считают, что глаголы, образующие соотносительные по виду пары, являются разными формами одного слова².

¹ «Современный русский язык. Морфология». М., Изд-во МГУ, 1952, стр. 309—323.

² С. Карцевский. Система русского глагола, ч. IV. Прага, 1927. В сб.: «Вопросы глагольного вида», М., ИЛ, 1962; В. В. Виноградов. Русский язык. М., Учпедгиз, 1947; А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. II. Братислава, 1960; Ю. С. Маслов. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского вида. Исследования по славянскому языкознанию. М., Изд-во АН СССР, 1961.

316215

Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
Академии наук Киргизской ССР

В работе мы стремимся применить общую теорию вида, как она сформулирована сторонниками второй точки зрения, к истории вида в русском языке. Мы исходим из того, что вид является грамматической категорией, в процессе становления которой основную роль играет образование соотносительных по виду пар глаголов, имеющих одинаковое лексическое значение и отличающихся друг от друга наличием или отсутствием в слове выражения отношения к пределу во времени. Но поскольку приставки являются главным средством образования новых лексических значений и оттенков у глагольной основы, основным словообразовательным средством, постольку перфективацию с помощью приставки или назального суффикса нельзя считать способом образования глагольной видовой пары. То, что называется перфективацией, в большинстве случаев чисто словообразовательный прием, лишь сопровождаемый возникновением перфективного грамматического значения: даже так называемые пустые приставки являются не морфемами вида, а, подобно другим приставкам, лишь носителями значения определенного способа действия, а именно — обще-результативного.

Перфективация с помощью приставок — это явление, создавшее лишь предпосылки для будущего развития вида — ту категорию предельности, путем позднейшего расщепления которой возник несовершенный, а затем совершенный вид.

Существо перехода к современной видовой системе состояло в образовании видовой пары и в появлении рядом с предельными основами таких производных от них основ, которые служат специально для выражения процессного значения, т. е. обозначают то же предельное действие, но рассматриваемое в его развитии, в процессе его протекания. Это образование шло путем имперфективации. Так в процессе имперфективации, в результате ее возникает несовершенный вид и — в противоположность ему — совершенный вид. А имперфективация путем отбрасывания приставок, а также перфективация с помощью более или менее пустых приставок появляется только тогда, когда в языке богато представлена парность в приставочных глаголах, когда уже для всех глагольных классов существуют средства имперфективации. И поскольку основная сфера чистограмматического видообразования связана в славянских языках с приемами имперфективации посредством суффиксов, то нет оснований утверждать, что к XIV веку в памятниках письменности начинают отражаться видовые отношения, близкие к современным³.

В работе использован материал памятников письменности разных жанров, объединенных территориально, созданных в XV веке:

³ Ср. П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Изд-во МГУ, 1953. А. К. Кошелев. Состояние видовой дифференциации в древнерусском языке XI—XIV вв. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1956.

1. Житие Сергия Чудотворца и похвальное слово ему, написанное учеником его Епифанием Премудрым в XV веке, сообщил архимандрит Леонид («Памятники древней письменности». Изд. Археологической комиссии, СПб., 1885).

2. Послание на Угру Вассиана Ростовского («Труды отделения древнерусской литературы Института литературы АН СССР», т. VIII. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1950).

3. Повести:

Задонщина («Труды отделения древнерусской литературы Института литературы АН СССР, т. VI». М. — Л., Изд-во АН СССР, 1948).

Повесть о Петре и Февронии («Труды отделения древнерусской литературы АН СССР», т. VII. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1949). Повесть о Мунтыянском воеводе Дракуле (сб. «Русские повести XV—XVI вв.». М. — Л., ГИХЛ, 1958).

4. Летописи:

Московский летописный свод конца XV века (Полное собрание русских летописей, издан по высочайшему повелению археологической комиссии, т. 25. СПб. Л., 1846—1965, 1949). Суздальская летопись (Полное собрание русских летописей под ред. Е. Ф. Карского, воспроизведение текста изд. 1926—1928 гг., т. I, М., Изд-во АН СССР, 1964).

5) Памятники деловой письменности:

Акты Троице-Сергиева монастыря и Акты Кирилло-Белозерского монастыря (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв., т. I—II. М., Изд-во АН СССР, 1952).

Судебник Ивана III 1497 года (Судебники XV—XVII вв. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1959).

К концу XV века на Северо-Востоке Руси вокруг Москвы возникает централизованное Русское государство, и одновременно с процессом политического объединения страны происходит еще один важный процесс — складывание русской, или великорусской, народности с формированием языка великорусской народности.

Таким образом, язык памятников письменности, создаваемых на территории Северо-Восточной Руси, в областях и княжествах, близких к Москве или находящихся под влиянием Москвы, в XV веке отражал те процессы, которые происходили в языке великорусской народности в период ее становления⁴. Территориальная объединенность исследуемых памятников позволяет нам иметь дело лишь с одной грамматической нормой, с одной письменной традицией, соотносимой с одним типом народно-разговорного языка. Исследование памятников различных жанров дает возможность

⁴ В. О. Ключевский. Сочинения в 8-ми томах, т. 2. М., Госполитиздат, 1957, стр. 5—28; Д. С. Лихачев. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого, М. Изд-во АН СССР, 1962; Л. В. Черепнин. Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., Соцэкгиз, 1960; Краткий очерк истории русской культуры. Л., «Наука», 1967.

на основе временного и территориального единства изучить видо-временную систему разных памятников в ее отношении к грамматической норме, к нормативному церковнославянскому языку, с тем чтобы выяснить те черты живого языка, которые проникали в литературный язык, несмотря на строгость нормы.

Под нормой, или уровнем нормы, понимается совокупность установившихся в данном обществе и в данную эпоху языковых привычек и правил общественного пользования языком. Понятие нормы включает лишь те явления индивидуальной речи, которые являются повторением существующих образцов, принятых в данном человеческом коллективе⁵. Когда речь идет о языках, закрепленных литературой и имеющих фиксированную норму, все то, что в грамматиках обозначается как другая возможность или исключение, является отражением диахронического в синхроническом — либо как становление какой-либо новой особенности, либо как сохранение старой — и представляют собой критическую точку реализованной системы⁶. Поэтому хотя установление нормы обычно подразумевает унификацию, устранение вариантности, однако варианты могут и сосуществовать в языке и не просто могут, а часто такое сосуществование становится необходимостью в силу того, что в языке существует противоречие между нормой и тенденцией. Языковое изменение всегда начинается и развивается как сдвиг нормы. Язык меняется, как правило, в своих «слабых» точках, то есть там, где система не полностью соответствует потребностям выражения и общения говорящих. Однако, необходимые изменения могут ограничиваться устойчивостью традиции. Изменения появляются в синхронии в спорадических формах, в так называемых «типичных ошибках» по отношению к установленной норме.

В последние годы ученые спорят, может ли идти речь о литературном языке и литературной норме до возникновения наций и национального языка.

Так, проф. А. В. Исаченко отвечает на этот вопрос отрицательно. Однако его точка зрения не была поддержана: не всякий письменный язык является литературным, но он является литературным, когда он воплощает свои особые, ему присущие задачи и когда он имеет интердиалектный характер, выполняя при этом иные, чем разговорный язык, функции. В развитии литературных языков наблюдается одна закономерность, характерная для периода, предшествовавшего времени образования национальных литературных языков: возможность употребления в качестве письменно-литературного языка не своего языка, а чужого, причем последний может быть языком близкородственным (церковнославянский язык на Руси). Этот литературный язык, естественно, не отражает с необходимой широтой и полнотой общий язык того народа, ко-

торому принадлежала письменная литература. Нормы замыкаются в это время в узких пределах письменного литературного языка. Академик В. В. Виноградов отмечает наличие двух основных типов древнерусского литературного языка: книжно-славянского и народно-литературного.

Исходя из факта существования в XV веке двух типов литературного нормированного языка, мы на языковом материале письменных литературных памятников этого периода решаем вопрос о характере нормы употребления видо-временных форм для каждого типа литературного языка и устанавливаем место деловой письменности в общей системе русского письменного языка.

* * *

В первой главе диссертации характеризуется грамматическая норма использования видо-временных глагольных форм в литературном языке XV века. Источником сведений о состоянии грамматической нормы XV века являются грамматики церковнославянского языка XV—XVI веков.

Характер грамматической нормы XV века мы определяем на основании анализа следующих грамматических пособий: так называемый Псевдодамаскин, неоконченное сочинение «О восьми частях слова»; анонимные грамматические статьи, появившиеся в рукописных сборниках с начала XVI века; Грамматика Дмитрия Толмача, известная под названием «Донатус, сиречь грамматика и азбука, переведенная Дмитрием Толмачем — с латинского языка 1522 года, а списана 1563 года»; Азбука Ивана Федорова (1574); Адельфотес (1591); «Грамматика словенска съвершенного искусства осьми частей слова и иных нуждных» Лаврентия Зизания (1596).

Все рассмотренные пособия по грамматике церковнославянского языка XV—XVI вв. фиксируют следующую норму употребления видо-временных глагольных форм:

Название явления	Норма употребления видо-временных форм в XV веке
Окончания форм настоящего времени	
2 л. ед. числа	— ши
3 л. ед. и мн. числа	— ть
1 л. мн. числа	— мь, — мы, — мо
Формы	равно настоящему
будущего времени	простое
	сложное
	хошу, имаю + неопределенная форма спрягаемого глагола

⁵ Ю. С. Степанов. Основы языкознания. М., «Прогресс», 1966, стр. 5, 99.

⁶ Э. Коссериу. Синхрония, диахрония и история. Сб. «Новое в лингвистике», вып. 3, М., ИЛ, 1963, стр. 225, 337.

Вид имперфекта	стяженные формы на -ах-, нестяженные формы
Тип аориста	новый сигматический аорист
Наличие или отсутствие связи в формах перфекта	формы перфекта употребляются со связкой и без связки
Наличие или отсутствие суффикса -ива- как средства имперфективации перфективных глаголов	в грамматиках суффикс -ива- как как средство имперфективации не зафиксирован

Смещение форм простых прошедших времен отмечается только в Адельфотесе (1591), что, может быть, объясняется тем, что на Юго-Западе, в языке будущих украинских областей, аорист и имперфект исчезают значительно раньше, чем на Северо-Востоке восточнославянской территории.

Грамматика Лаврентия Зизания (1596) свидетельствует о том, что перфект, заменяющий аорист и имперфект, употребляющийся в тех же функциях, становится явлением нормы только к концу XVI века. Таким образом, книжному нормативному литературному языку XV века использование перфекта в функциях аориста и имперфекта свойственно не было, и если такое явление возникало, то оно было следствием влияния живого языка на книжный язык, вторжением в норму, в нормативный язык, народно-разговорных элементов.

Сравнение нормы употребления видо-временных глагольных форм в XI веке с нормой XV века свидетельствует о явной русификации церковнославянской нормы и указывает на источник изменения нормы — влияние народно-разговорного древнерусского языка.

* *
*

Вторая глава представляет собой попытку соотнести данные первой главы о норме литературного языка XV века с языковым материалом, извлеченным из памятников разных жанров с целью выяснения черт системы форм времени глагола делового, народно-литературного и книжно-славянского типов письменного древнерусского языка в их отношении к норме XV века.

В процессе описания материала памятники были сгруппированы следующим образом:

1. Книжно-славянский тип литературного языка: Житие Сергия Радонежского (ЖС), Послание Вассиана Ростовского (ПВР).

2. Народно-литературный тип литературного языка:

а) Повесть о воеводе Дракуле (ПВД), Задонщина (З), Повесть о Петре и Февронии (ПИФ);

б) Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку (СЛ), Московский летописный свод конца XV века (МЛ).

3. Язык деловой письменности: Судебник 1497 года (Суд), акты Кирилло-Белозерского (АКБМ) и Троице-Сергиева монастырей (АТСМ).

Анализ языкового материала изучаемых памятников дал следующие результаты:

Памятники	Название явления				З	СЛ	МЛ	Деловая письменность
	ЖС	ПВР	ПВД	ПИФ				
Окончания форм настоящего времени	ши ть мъ	ши ть мъ	ши ть мъ	ши ть мъ	шь (ши) ть мъ	ши ть мъ	ши ть мъ	шь ть, ть, т мъ (мы)
Окончание форм будущего времени	ши ть мъ	ши ть мъ	ши ть мъ	ши ть мъ	ши ть мъ	ши ть, ть мъ	ши ть, ть мъ, (мы)	шь ть, ть, т мъ (мы)

Сложное будущее I для глаголов имперфективных отсутствует

Тип аориста	новый сигматический аорист			нет
Вид имперфекта	есть нестяж.	стяж. формы	есть нестяж.	нет
Наличие связи в формах перфекта	Со связкой и без связки от основ перфективных и имперфективных			
Спряжение глагола быти	Глагол быти употребляется правильно		Смешиваются формы 3 л. ед. и мн. числа	Формы лица и числа постоянно смешиваются

Данные приведенной выше таблицы обнаруживают, что все исследуемые памятники делятся на две неравные группы: с одной стороны, — памятники деловой письменности, с другой, — повести, летописи, Послание и Житие. Причем в памятниках этих двух групп мы почти не находим таких явлений, которые бы совпадали по существу. Так, совпадение форм перфекта в Житии Сергия и деловой письменности неравнозначно подобному же совпадению форм в том же Житии Сергия и Московской Летописи: в последних в системе форм времени наряду с перфектом существуют и другие прошедшие времена, и вовсе не перфект с его специфическим значением играет главную роль при описании действий, имев-

ших место в прошлом. В деловой же письменности, как о том свидетельствует исследованный материал, перфект передает всю совокупность значений прошедшего времени.

Установим соотношение между системой форм времени в деловой письменности и нормой:

Название явления	Норма употребления видо-временных форм в XV веке	Факты языка памятников деловой письменности
Окончания форм настоящего времени	ши ть мъ(мы)	шь ть, тъ, т мъ, мы
Окончания форм будущего времени	ши ть мъ, мы	шь тъ, тъ, т мъ(мы)
Использование форм будущего сложного	имамь, хочу и др. + неопределенная форма спрягаемого глагола	имамь, хочу и др. + неопределенная форма спрягаемого глагола
Тип аориста	новый сигматический	нет
Форма имперфекта	стяженные формы на -ах-, нестяженные формы	нет
Использование связки в формах перфекта	формы перфекта употребляются со связкой и без связки	формы перфекта употребляются со связкой и без связки
Спряжение глагола <i>быти</i>	формы используются правильно	формы лица и числа постоянно смешиваются

Система форм времени в языке памятников деловой письменности не соответствует данным грамматик церковнославянского языка XV—XVI веков, данные нормы и языка актов и Судебника не совпадают, язык деловой письменности выходит за рамки литературного нормированного языка.

Установим соотношение между системой форм времени в языке собственно литературных памятников и нормой:

Название явлений	Норма употребления форм времени в XV веке	Факты языка летописи, жития, посланий, повестей
Окончания форм настоящего времени	-ши -тъ -мъ(мы)	-ши(шь) -тъ (в летописях -тъ), т -мъ
Формы будущего времени	простое равно настоящему сложное хочу, имамь + неопределенная форма спрягаемого глагола	равно настоящему для имперфективных глаголов отсутствует
Тип аориста	новый сигматический	новый сигматический
Вид имперфекта	стяженный, нестяженный	стяженный, нестяженный
Наличие связки в формах перфекта	форм перфекта употребляются со связкой и без связки	формы перфекта употребляются со связкой и без связки
Спряжение глагола <i>быти</i>	глагол <i>быти</i> спрягается правильно	формы 3 л. ед. и мн. числа смешиваются в Задонщине и летописях

Мы обнаруживаем почти полное совпадение явлений нормативного письменного церковнославянского языка и соответствующих фактов в языке Жития, летописей и повестей. Различия в языке названных памятников незначительны. Естественно, что требования нормы строже соблюдаются в Житии и Послании и что жанровая специфика летописи и повестей обуславливает возможность проникновения в язык последних черт, присущих, вероятно, живой речи и зафиксированных в языке памятников деловой письменности.

Анализ системы форм времени в памятниках деловой письменности и в памятниках собственно литературных показывает, что в письменном языке Северо-Восточной Руси XV века фактически отсутствует грамматический способ передачи значения будущего времени для имперфективных глаголов: формы будущего сложного чрезвычайно редки, они образуются как от глаголов имперфективных, так и перфективных, эти формы передают не столько значение будущего времени, сколько значение начала, необходимости действия, значение долженствования. О том, что формы будущего

сложного I не стали аналитической формой времени, свидетельствует, в частности, и то, что отрицание «не» может ставиться не перед вспомогательным глаголом, а перед инфинитивом спрягаемого глагола, а вспомогательный глагол может быть осложнен приставкой.

Но при наличии видовой дифференциации невозможно предположить существование форм будущего времени лишь для перфективных глаголов. Вероятно, видовой дифференциации в современном понимании этого явления еще нет, а значение будущего времени у перфективных глаголов — это только одно из значений настоящего времени глаголов, осложненных приставкой. Таким образом, у перфективных глаголов значение будущего времени обусловлено сугубо лексическими причинами: присоединением приставок, способных сужать, конкретизировать значение глаголов, придавать им значение предела, результата, противоречащее представлению о настоящем времени.

* * *

Третья глава диссертации посвящена анализу состояния видовой системы русского глагола в языке памятников письменности Северо-Восточной Руси XV века.

При анализе видовой системы языка памятников разных жанров мы рассматриваем и располагаем материал исходя из тех основных способов построения видových коррелятивных пар, которые характерны и для современного русского языка, поскольку исследователи предполагают наличие высокой степени видовой дифференциации уже на ранних этапах развития русского языка.

В силу того, что изучение материала приводит нас к мысли о том, что говорить о возникновении грамматической категории вида в XV веке нет никаких оснований, мы должны оговорить употребление термина перфективность/имперфективность в нашей работе. Мы будем говорить об имперфективной и перфективной основах глаголов, характеризуя то состояние в истории русского глагола, которое предшествовало завершению формирования грамматической категории вида с его противопоставлением совершенный вид/несовершенный вид.

1. Памятники разных жанров, созданные в Северо-Восточной Руси в XV веке, свидетельствуют о том, что префиксация глаголов действительно распространена чрезвычайно широко, что все приставки, известные в современном русском языке, используются и в языке письменных памятников XV века, и их присоединение переводит имперфективные глаголы в разряд перфективных. Однако, присоединяясь к глаголам, приставки в соответствии со своим собственным значением придают глаголу добавочное, а иногда и абсолютно новое лексическое значение, и мы имеем дело с процессом словообразования, например:

знать — знать, познать, признавать, наблюдать, исполнять, отвечать. Срезневский И. И. «Материалы для словаря древнерусского языка», т. I. М., ГИЗ, 1958, ст. 991—992. (далее: Ср., I, 991—992);

познати — узнать, познать, признать, спознаться, почувствовать, постигнуть (Ср., II, 10—88);

казати — сказать, приказывать, заказывать, наказывать, наставлять, указывать (Ср., I, 1175);

наказати — учить, наставлять, повелевать, наказывать (Ср., II, 291) и т. п.

В приставках *въ* — (*вън*), *вы-*, *за-*, *из-* (*изо*) *под-* (*подо*), *пере-*, *пре-*, *про-*, *о-* (*об-*), *от-* (*ото-*), *раз-*, *роз* — четко осознаются те пространственные значения, которые они придают глагольным основам: префикс *за* — передает значение начала действия, завершения его, значение достигнутого результата; префикс *раз* — обозначает момент достижения максимальной интенсивности, характерной для данного действия, в результате постепенного нарастания этой интенсивности, кроме того, глаголы с приставкой *раз* — могут обозначать разнонаправленное действие, действие, совершаемое субъектами, стремящимися к разной цели. Префикс *по* — придает глаголам не только значение достижения результата действия, но и начала действия; префикс *при* — значение неполноты действия, смягчения, присоединения; *пере* — выражает внутреннюю расчлененность действия, придает значение взаимной совмещаемости и т. д.

Однако и это свидетельство широкого распространения префиксации вовсе не является доказательством того, что приставка в XV веке является средством образования видových пар. Еще С. О. Карцевский писал: «Перфективацию при помощи приставок можно было бы считать грамматическим приемом лишь в том случае, если бы каждому глаголу несовершенного вида соответствовал бы один и только один глагол совершенного вида. Но в действительности такой глагол, как *писать*, допускает до 17-и приставок»⁷. Как мы могли убедиться, последнее замечание справедливо и для ранних этапов развития русского языка. Причем данные Материалов для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского свидетельствуют о том, что ни о каком тождестве лексических значений простого и приставочного глаголов говорить не приходится:

мыслити — задумать, замыслить, порешить, рассудить, потерпеть убыток (Ср., I, 1217—1218);

домыслити — представить себе, вздумать, придумать (Ср., I, 702—703);

помыслити — подумать, рассудить, обдумать, пожелать, задумать, возыметь притязание (Ср., I, 1169);

⁷ Цит. по кн. А. В. Исаченко. «Грамматический строй русского языка», т. II. Братислава, 1960, стр. 237.

примыслити — придумать, приписать, отнести, добыть, получить (Ср., II, 1422—1433);

премыслити — предусмотреть, обмануть, злоумыслить, приумыслить и т. д.

Кроме того, приставки вообще не всеильны в плане перфективирования глагола: префиксация глаголов *ходити, водити, носити, имати* не всегда перфективируют их.

Итак, приставки, присоединяясь к основе бесприставочного глагола, не только перфективируют его, но и придают ему новое добавочное значение. Присоединение приставки создает в подавляющем большинстве случаев новое слово, новый глагол.

В этой связи трудно согласиться с замечанием П. С. Кузнецова о том, что к концу XIV века приставки чисто грамматического видового значения становятся продуктивным средством различия видов, что отражается не только в памятниках, близких к живой речи, но и в церковно-книжной литературе.

Если увидеть в префиксации главное средство развития видовой системы, то придется вывести историю становления грамматической категории вида в область словообразования и лексикологии.

2. Мена суффиксов *-и-*, *-а-* в основе своей имеет лексические корреляции определенность/неопределенность, длительность/недлительность и др.

Материал, изученный и приведенный в диссертации, свидетельствует о следующем: эти глагольные пары построены на основе лексических корреляций определенность/неопределенность, многократность/немногократность, длительность/недлительность. Причем в ряде случаев (*садити, мьстити* и др.) глаголы со значением определенности одновременно являются глаголами имперфективными. Очевидно, это можно считать лишним доказательством того, что названные выше лексические корреляции вовсе не являются категорией, непосредственно и преемственно связанной с грамматической категорией вида.

Обратившись к Материалам И. И. Срезневского, мы можем убедиться, что глаголы, объединенные в пары на основании мены суффиксов *-и-* и *-а-*, не только отличаются друг от друга наличием или отсутствием значения определенности, но весьма часто просто не соотносятся по своему значению или, во всяком случае, по ряду своих значений и оказываются объединенными в пары на основании лишь формального признака — мены суффиксов *-и-* и *-а-*, сопровождаемой чередованием согласных основы:

оправити — оправдать, защитити, исправить, направить, доказать, назначить, постановить (Ср., II, 690);

оправляти — защищать, оправлять, судить, разбирать дело (Ср., II, 690);

оскорбити — опечалить, оскорбить, возмутить, истребить (Ср., II, 722);

оскорбляти — огорчать, печалить, оскорблять, причинять страдание (Ср., II, 722);

отпустити — отпустить, дать уйти, отправить, послать, изгнать, пропустить (Ср., II, 808—809);

отпускати — позволять уйти (Ср., II, 808) и т. д.

3. Для всех собственно литературных памятников, кроме Задонщины, использование глагольных образований с суффиксом *-ива-* (*-ыва-*) не характерно. И только в Задонщине мы имеем приставочные и бесприставочные глаголы, осложненные этим суффиксом. Материал свидетельствует о том, что хотя в Летописи и возможно использование глаголов на *-ива-*, но о широком распространении таких форм говорить не приходится. Только в памятниках деловой письменности впервые довольно широко количественно и разнообразно лексически представлены образования на *-ива-*. Присоединение суффикса *-ива-* к производной основе имперфективного глагола создает новое слово, принадлежащее иному глагольному классу и имеющему новое добавочное лексическое значение многократности. Значение многократности несколько снято в приставочных образованиях на *-ива-*: *накладывати* (АКБМ, 106); *наказывати* (АКБМ, 312); *отказывати* (АКБМ, 101, Суд., 27); *сказывати* (АКБМ, 157; АТСМ, 236; Суд., 27); *указывати* (АКБМ, 29); *отписывати* (АКБМ, 68; Суд., 20); *подписывати* (Суд., 20); *отвечивати* (Суд., 26; АТСМ, 238; АКБМ, 167).

Таким образом суффикс *-ива-* выполняет в языке XV века двойную роль: во-первых, являясь средством словообразования, он придает глаголам значение многократности; с другой стороны, присоединяясь к приставочным глагольным основам, суффикс *-ива-* может придавать им значение многократности, но чаще такие глаголы обозначают длительное незавершенное действие, то есть действие без его отношения к пределу во времени. Итак, в отличие от современного русского языка в языке XV века отражается такое состояние развития видовой системы, когда значение суффиксов имперфективации еще слишком конкретно. Кроме того, эти суффиксы многозначны: только в одном из значений суффикс *-ива-* по своей роли приближается к той роли, которую он играет в современном русском языке: не меняя лексического значения, он превращает перфективный глагол в имперфективный. В подавляющем большинстве случаев значение имперфективности только сопутствует новому лексическому значению. Очевидно, процесс грамматикализации суффикса *-ива-*, возникшего, вероятно, как средство создания нового слова с новым значением, был тесно связан с прослеженной исследователями историей развития и утраты суффиксом *-ива-* способности придавать глаголам значение многократности действия, и в XV веке он еще не стал широко применимым грамматикализированным средством построения глагольных пар.

Все это справедливо для глагольных пар, имперфективный элемент которых осложнен суффиксом *-ва-*.

Русскому языку рассматриваемого периода известны чередова-

ния корневых гласных и согласных как средство имперфективации перфективных глаголов и построения глагольных пар типа: при-слати/присылати, прогнати/прогоняти, собрати/собрати, принести/приносити. Число таких глагольных пар сравнительно невелико, однако, как свидетельствует материал, чередование в ряде случаев превращает перфективный глагол в имперфективный, не меняя лексического значения.

Изученный материал не дает возможности утверждать, что к XIV веку в памятниках письменности начинают отражаться видо-вые отношения, близкие к современным. Мы не можем говорить о завершении формирования той или иной грамматической категории, если еще не возникло основного структурного средства для ее формального выражения.

Таким образом, можно предположить, что XV век — это время, когда категория вида продолжает функционировать как категория лексическая, но одновременно закладываются основы грамматической категории вида, в центре которой станет корреляция совершенный вид/несовершенный вид. Это находит формальное выражение в появлении основного структурного средства имперфективации — суффикса *-ива-*. Однако категория остается лексической или лексико-грамматической, причем в качестве таковой она имеет и свои формы выражения: широко развитую к концу XIV века префиксацию как словообразовательное средство и суффиксацию, являющуюся также не формо-, но словообразующим приемом.

* *
*

В заключении подводятся итоги изучения видо-временной системы письменного языка Северо-Восточной Руси XV века и делается попытка реконструкции видо-временной системы народно-разговорного русского (великорусского) языка XV века северо-восточной территории его распространения на основе сравнения данных анализа видо-временной глагольной системы собственно литературных памятников и памятников деловой письменности с явлениями нормативного языка XV века.

Наличие многих средств имперфективации глаголов, выполнение суффиксами имперфективации как формообразующих, так и словообразующих функций, использование приставок и суффикса *-ну-* как средств перфективации имперфективных глаголов, сопровождающей изменением лексического значения, свидетельствуют, вероятно, о том, что XV век является периодом, предшествующим моменту возникновения грамматической категории вида с корреляцией совершенный вид/несовершенный вид. Процесс имперфективации перфективных глаголов посредством суффиксов ограничен лексически, связан не со всеми возможными в современном русском языке основами, что свидетельствует о том, что суффиксы не стали еще грамматикализованным средством имперфективации, являясь носителем определенного значения и выступая как

средство лексического изменения значения слова. О недостаточном развитии грамматической категории вида свидетельствует и судьба будущего сложного времени для имперфективных глаголов.

Поскольку нельзя говорить о существовании уже сложившейся в XV веке грамматической категории вида, следует предположить, что существующая в языке памятников письменности Северо-Восточной Руси сложная система форм времени — это факт не только письменного, но и народно-разговорного языка XV века. Показательно, что книжники XV века не просто сохраняют эти формы в памятниках религиозно-богослужебных, они используют их в произведении светского содержания, в историко-бытовых повестях, ими создаваемых. Следовательно, авторам эти формы нужны, нужна специфика их значения.

Отсутствие простых форм прошедшего времени в памятниках деловой письменности не является доказательством их исчезновения: содержанию актов и списков опроса свидетелей в большинстве случаев соответствует именно перфект с его результативным значением.

Однако строгость временной системы в XV веке нельзя переценивать. Как в истории категории вида XV век является периодом, когда начинают складываться новые отношения, так и в истории системы форм времени на основе анализа языка памятников письменности мы можем уловить те изменения, которые происходят в живом языке великорусской народности: появляется новое средство для обозначения длительного незаконченного действия в прошлом — глагольные образования с суффиксом *-ива-*, грамматика XVI века обнаруживают возможность замены морфологически невыразительных форм 2 и 3 лица аориста и имперфекта формами перфекта.

Не преувеличивая роли грамматик и памятников письменности как источника сведений о живом языке великорусской народности в XV веке, можно предположить, что временная система народно-разговорного языка в XV веке на Северо-Востоке Руси могла быть такой:

Название явления		Факты народно-разговорного языка
Окончания форм настоящего времени	2 л. ед. ч.	/ш/
	3 л. мн. и ед. ч.	/г/
	1 л. мн. ч.	/м/, /мо/, /м'е/, /ми/ (орфографически — мы)
Формы будущего времени	простое	равно настоящему
	сложное	хочу, имамь, начну, стану + инфинитив спрягаемого глагола

Тип аориста	новый сигматический аорист. Во 2 и 3 л. един. числа может меняться на перфект
Вид имперфекта	стяженные формы на -ах- начинают замещаться во 2 и 3 л. ед. числа формами аориста и перфекта
Использование форм перфекта	формы перфекта используются со связкой и без связки; могут замещать во 2 и 3 л. ед. числа имперфект и аорист
Спряжение глагола <i>быти</i>	парадигма спряжения нарушена
Формы двойственного числа	нет

Таким образом, XV век — это время, когда формирование грамматической категории вида создает такие условия, когда вся сложная система временных форм, характеризовавшая более ранние этапы в развитии русского языка, приходит в движение, разные формы приобретает способность замещать друг друга, что свидетельствует об исчезновении специфики их значения и функционирования.

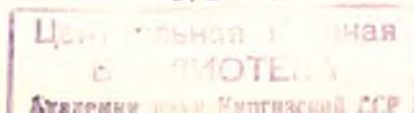
Работы, опубликованные по теме диссертации:

1. Ремнева М. Л. Грамматика XV—XVII вв. как источник исторической морфологии русского языка. «Вестн. Моск. ун-та», серия X, филология, 1966, № 3.
2. Ремнева М. Л. К истории глагольного вида в русском языке. «Научные доклады высшей школы», Филологические науки, 1967, № 6.

Сдано в набор 12/IV 1968 г. Подписано к печати 19/IV 1968 г.
Л-95678 Формат 60×90/16 Физ. печ. л. 1,0 Зак. 593 Тираж 200 экз.

Издательство Московского университета Москва, Ленинские горы
Административный корпус
Типография Изд-ва МГУ (филиал), Москва, проспект Маркса, 20

316-215

7.12.21

24